

1.

Еврейский театр, пережив время расцвета, исчез вместе с языком. Наиболее долговечным элементом оказалась связанная с ним музыка – мелодика еврейских песенок слышится во многих общеизвестных музыкальных произведениях. Некоторые пустячки «легкого жанра», став поначалу шлягерами в каком-нибудь Нижнем Ист-Сайде, выходили затем на широкий простор мирового музыкального пространства. Особенно интересен случай, когда один из песенных хитов начала 1930-х побил все рекорды многолетней популярности и до наших дней не утеряти любви слушателей. Он претерпел множество трансформаций, аранжировок, переделок, частичной и полной замены текста (который в том или ином варианте был переведен на 90 языков) и прочно вошел в репертуар исполнителей всего мира, удержав свою позицию до наших дней. Он сохранил не только мелодический рисунок оригинала. В классической англоязычной версии были сохранены две начальные строки на идиш, напоминавшие о его происхождении.

Эта удивительная история берет свое начало в 1932 г., когда в бруклинском Rolland Theater состоялась премьера мюзикла на идиш – «Ме кен лебн нор ме лозт ништ» («Можно было бы жить, да не дают»; английское название «I Would if I Could» – «Сделаю, если смогу»). Роль главного героя играл Аарон Лебедев (Лебедефф) – один из самых популярных артистов еврейского театра, исполнявший характерные и комические роли. По ходу действия он пел песенку «Ваі mir bistu sheyn» («Для меня ты самая красивая...»). На премьере зрители несколько раз прерывали действие, требуя ее повторения «на бис». Под конец спектакля была устроена овация автору музыки – Шолому Секунде, в то время уже известному и популярному в этой среде композитору.

Либретто мюзикла «Ме кен лебн нор ме лозт ништ» и тексты вошедших в него песенок написал Джейкоб Джейкобс. Постановка оказалась вполне рядовой и оставалась на сцене только один сезон, но полюбившаяся зрителям песенка

исполнялась с тех пор в окрестных барах и ночных клубах Нижнего Ист-Сайда. В 1933 г. было продано 10000 экземпляров ее нот. Шолом Секунда сотрудничал с издательством, которому регулярно продавал свои песни из мюзиклов за небольшие гонорары. Правда, учитывая популярность «*Vai mir bistu sheyn...*», он попытался заинтересовать своим произведением Голливуд, но безрезультатно. Певец Эдди Кантор охладил его дальнейшие попытки в этом направлении, сказав, что песня звучит «слишком по-еврейски».

Но история ее взлета на этом не закончилась. В 1936 г. молодой музыкант Сэмми Кан услышал, как ее исполняет дуэт черных певцов в Apollo Theatre в Гарлеме. Он предложил своему работодателю связаться с издателями братьями Кэмменс, чтобы они выкупили авторские права на музыку этой песни. В результате сделки Секунда продал издателям права не то за 30, не то за 50 долларов, которые он тогда же поделил пополам с автором текста. Сэмми Кан аранжировал эту мелодию в стиле свинга. Английский текст написал Саул Чаплин. Начальную строчку припева он оставил на идиш для сохранения «локального колорита», но в письменном виде ее чаще представляли (и пропевали) в германизированной форме: «*Bei mir bist du shoen...*»

24 ноября 1937 г. новая версия песни Кана и Чаплина была записана на фирме Decca Records в исполнении трио сестёр Эндрюс, которое считается первым исполнителем шлягера для широкой аудитории. Andrews – это американизированная форма греческой фамилии отца трех сестер (Peter Andreas). Мать начинающих певиц была норвежкой. Сестры только-только вступали на путь профессиональных исполнительниц. Необычные мелодия и гармонии очаровала слушателей. Песня «*Bei mir...*» в мгновение ока распространилась по всем штатам и стала визитной карточкой сестер Эндрюс, сразу выдвинув их в ряды самых модных исполнителей. Во время Второй мировой войны сестры постоянно выступали с концертами в различных американских военных частях и госпиталях в Америке, Африке и Италии. После войны трио с перерывами выступало до 1972 г. За это время разошлось около 75 млн их пластинок. Песенка «*Bei mir...*» в их исполнении до сих пор не утратила популярности – она часто включается в сборники ретро и оценивается знатоками как один из классических образцов свинга.

После записи сестер Эндрюс модный шлягер моментально вошел в репертуар других известных певцов и музыкантов. Сделанные тогда записи для радио и пластинок в наше время являются не только достоянием коллекционеров-любителей – во многих случаях они реставрируются при помощи новых технологий и продолжают и в наши дни звучать по радио и телевидению, не говоря уже об Интернете. Среди первых (довоенных) исполнителей было немало руководителей оркестров и солистов со звездными именами:

Во всей этой истории небезынтересна финансовая сторона вопроса. По американским оценкам, за 28 лет владения копирайтом на «*Бай мир бисту шейн*» Камменсами и другими владельцами, песня принесла им 3 миллиона долларов. Сэмми Кан купил на гонорары от песни дом для своей матери. Это

очень расстроило мать Шолома Секунды. Говорят, что она подумала, что ее сын, получивший за песню лишь 30 долларов, наказан за какие-то грехи, и стала ежедневно посещать синагогу, вымаливая для него прощение. Сам Шолом Секунда не проявлял никакого беспокойства по поводу уплывших прибылей. В интервью Нью-Йорк Таймс он заметил: «Это беспокоило всех вокруг больше, чем меня самого». Но, видимо, благодаря этому спокойствию и маминым молитвам, он благополучно дожил до 1961 г., когда копирайт истек, и права вернулись к авторам. Они немедленно подписали контракт со звукозаписывающей компанией Harms Inc., на этот раз предусмотрев для себя достаточно большой процент от прибыли. Копирайт Шолома Секунды на эту композицию закончится через 75 лет после его смерти.

2.

Приключения одного шлягера в стране большевиков

После войны «Bei mir...» на идиш исполнялась американским дуэтом сестёр Бэрри. Их репертуар составляла не только американская эстрада, но и народные еврейские песни, а также переведенные на идиш и английский язык русские романсы, которые аранжировал для них композитор Абрам Эльштейн.

На волне потепления советско-американских отношений в 1959 г. в Москве состоялась американская выставка. В числе группы артистов, выступивших в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького по случаю её открытия, были сестры Бэрри. Все эти события сами по себе стали надолго запомнившейся сенсацией. Остается только гадать, как советские блюстителы нравов и лояльности

граждан догадались выпустить на сцену исполнительниц еврейских песен? Ведь после расстрела Еврейского комитета и кампании борьбы с «космополитами» не прошло и 10 лет. Но факт есть факт.

Сестры Бэрри действительно поразили публику, хотя гвоздем программы стали вовсе не легко узнаваемые «Бублички» или «Bei mir...», уже имевший на советской почве определенную историю. Неистовый восторг публики вызвал бессмертный хит русской эмиграции всех континентов «Очи черные», который сестры пели по-английски (с трудом проговаривая несколько слов по-русски) – при этом романс предварялся энергичным вступлением в стиле самого отвязного буги-вуги, какое только можно вообразить. Аудитория неистовствовала. Популярность сестер Бэрри в России, вероятно, оказалась более прочной, чем в США. Она держалась до самой «перестройки» благодаря наступившей магнитофонной эре. Впрочем, еще в 1960-х годах в Центральной студии звукозаписи на ул. Горького можно было заказать некоторые песни в исполнении сестер Бэрри, в том числе «Очи черные» и «Bei mir...», записанные на виниловой пленке.

Исполненная сестрами Бэрри «Bei mir...» вовсе не была новостью для советской публики. Уже в 1937 г. американский шлягер проник в Советскую Россию, где

пережил несколько трансформаций и совсем уже неожиданно обрел вторую, «параллельную» жизнь. Вначале мелодию «Bei mir...» взял на вооружение Леонид Утесов. Фокстрот с пародийным текстом «Красавица моя // Красива, как свинья...» быстро вошел в моду и звучал на всех танцплощадках. Самому Утесову так нравилась мелодия, что он неоднократно варьировал слова. Иной, тоже шуточный, вариант текста получил не меньшее распространение, надолго перейдя в городской фольклор: «Старушка не спеша // Дорожку перешла...». Наконец, во время войны, году в 1942-м, А. Фидровский написал для джаз-оркестра Театра балтийского флота под управлением Н. Минха пародийный текст:

*Барон фон дер Пиик покушать русский шпик,
Давно уж собирался и мечтал.
Любил он очень шик, стесняться не привык,
О подвигах заранее кричал.*

При всей пародийности (и фривольности) текста все эти варианты были залитованы (то есть прошли цензуру) и исполнялись на эстраде и в записи вполне официально, распространяясь таким образом и в народе. Однако народ пел не только те песни, что неслись из радио и патефонов. Совершенно иной поворот сюжета в истории «Bei mir...» наметился зимой 1939/1940 г., когда двум девятиклассникам ленинградской школы № 242, Трудославу Залесову и Павлу Гандельману, пришлось в голову задаться вопросом – а откуда, собственно, берутся распеваемые всеми дворовые песни? Каким образом и с какой скоростью они распространяются? Подростки решили проверить это экспериментально. Ни один из мальчишек, разумеется, не подозревал, что они сделали шаг в Историю. Ребята начали сочинять текст вместе, но Трудослав так и застрял на первых трех строчках, а более опытный Павел (он уже в то время занимался в поэтической студии) почувствовал прилив вдохновения и строчил текст прямо во время уроков. На переменках он прочитывался одноклассникам, они обсуждали его, предлагали какие-то поправки, переписывали и распевали потом во дворе. Песня «В Кейптаунском порту» с невероятной скоростью распространилась по всей стране, без помощи каких-либо эстрад, оркестров или пластинок и зажила своей отдельной жизнью. Во время войны и в течение всех послевоенных лет ее пели под гитару и просто так, у туристических костров, в геологоразведочных партиях, в пионерских (и иных) лагерях, в подъездах и дачных поселках. Ее авторов никто не знал и над вопросом этим не задумывался. Фамилии авторов впервые озвучил в 1987 г. писатель Виктор Конецкий, опубликовав в сборнике своих рассказов письмо, полученное им в 1977 г. от Т. Залесова: ...Морская песня “Жанетта” – это литературная мистификация. Писалась она в 1939/1940 учебном году на уроках. Ее автор – девятиклассник Павел Гандельман, ныне подполковник в отставке. Собственно, он и я уговорились

писать по куплету. Начал он, потом три строчки сочинил я, и вдруг Павла прорвало – он начал строчить даже на переменках [...] Выбрали мотив популярной в те годы песенки “Моя красавица всем очень нравится походкой нежною как у слона...” [...] Почему получилось такое неравенство в авторстве? Да потому, что я был просто школьником, а Павел – уже поэтом. Он учился в доме литературного воспитания школьников (ДЛВШ) с Г. Капраловым, С. Ботвинником, А. Гитовичем и, кажется, Л. Поповой. Их кружок вел поэт Павел Шубин.

[...] В 1943 году, после прорыва блокады, уже по ту сторону Невы, у костра, я впервые услышал, как “Жанетту” пел совершенно мне чужой человек. Меня, помню, зашатало от удивления. А “Жанетту” поют и сегодня .

Поначалу на это сообщение никто не обращал внимания. Но уже наступали времена, когда люди начали интенсивно искать свою «потерянную» историю (в том числе и песенно-музыкальную). В 1991 г. была создана радиопрограмма «В нашу гавань заходили корабли». Благодаря ей в 1996 г. появилась первая публикация (или, по крайней мере, одна из самых ранних) одного из имевших хождение вариантов текста «В Кейптаунском порту» (В нашу гавань заходили корабли. – Пермь: «Книга», 1996). В том же 1996 г. на SinteZ Records был записан альбом Алексея Козлова и Андрея Макаревича «Пионерские блатные песни» с одним из распространенных вариантов «В Кейптаунском порту». В 2000 г. на «Грамофон рекордс» была сделана запись исполнения Владимира Сорокина (CD «Наша гавань») с иным вариантом. Еще один вариант записан в исполнении Элеоноры Филиной и Теодора Ефимова – CD «В нашу гавань заходили корабли» № 3, «Восток», 2001. Без указания авторов текст был опубликован в: Блатная песня: Сборник. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. После этого песня прозвучала на форуме неофициального сайта «В нашу гавань заходили корабли» <http://gavan.km.ru> 18.01.2005, текст был также опубликован в сборнике: Шел трамвай десятый номер... Городские песни. Для голоса в сопровождении фортепиано (гитары). / Сост. Павлинов А.П. и Орлова Т.П. – Композитор, СПб, 2005.

Как видим, песенку «В Кейптаунском порту» нередко относили к разряду дворовых или даже блатных. Быть может, именно этим объясняется то, что автор текста не слишком дорожил всенародной известностью этого произведения. В свой первый сборник он его не включил и не отзывался на просьбы как-то прокомментировать свое авторство. Наконец, в 2004 г. составителям очередного сборника гуляющих по стране песен удалось уломать сурового фронтовика, чтобы он «дал показания».

В последнее время меня часто спрашивают о происхождении песни “Жанетта”, более известной под названием “В Кейптаунском порту...” (по первой строке текста). Лично у меня создалось впечатление, что интерес этот несколько завышен, но, откликаясь на просьбу уважаемых мной составителей сборника, попытаюсь рассказать об этом еще раз. 1940 год. 242-я средняя школа г. Ленинграда, 9-й класс. Нам по 16 лет, и все, что свойственно этому возрасту,

естественно, нас не миновало. В “музыкальные моменты” мы прочувствованно пели питерские дворовые песни, городские романсы, оваянные экзотикой дальних стран и романтикой сильных чувств, – такие “хиты” прошлого, как “В таинственном шумном Сайгоне”, “Девушка в серенькой юбке”, “Девушка из маленькой таверны”, “Джон Грэй” и пр. Помнится, меня в то время остро интересовал вопрос, откуда эти песни приходят, кто их сочинил, почему их авторы неизвестны, как они распространяются и становятся популярными, хотя, конечно, не исполняются по радио, на официальной эстраде и, естественно, не публикуются в печати. Вот тогда и возникла мысль поставить этакий творческий опыт: написать остросюжетную сокрушительно-кровавую песню на общеизвестный мотив и попытаться ее распространить. Было интересно посмотреть, что из этого выйдет, хотя надежд на успех мы не возлагали никаких.

В сборнике приведены ноты и текст песни. Что же все-таки способствовало сногшибательной скорости ее распространения? Военная обстановка? Отсутствие какого-либо контроля? Но такого рода дворовые песни и раньше не очень-то контролировались – насколько можно судить по их количеству и разнообразию (возможно, что перед Органами такой задачи не ставилось). И все-таки, не все они приобретали популярность и распространялись так быстро. Например, созданная тогда же, в 1940 г. (и тоже на «морскую» тему) «Бригантина» Павла Когана широкую известность получила лишь под конец 1950-х (более 10 лет спустя после гибели автора), влившись в поток «бардовских» песен, чья эра тогда как раз и наступала. Выскажем предположение, что своей популярностью «Жаннетта» все же обязана сочетанию залихватского текста, броской мелодии и энергичного темпа. История, произошедшая в Кейптаунском порту, превратилась во всенародное достояние. За несколько десятилетий от первоначального текста «Жаннетты» отпочковалось множество вариантов. Как это чаще всего бывает, литературный оригинал (в который начитанный автор включил даже скрытые цитаты из Н. Некрасова и А. Грина) укоротился и упростился, сюжетная линия тоже претерпела некоторые изменения. Так, в авторском тексте смертельный выстрел в гиганта-француза послужил лишь причиной кровавой потасовки в таверне Кэт, в результате которой восемь англичан погибли, и «скиталица акуловых морей» «Жаннетта» уходила на Сидней без них. В большинстве же народных вариантов верх над вооруженными кортиками французами одерживали именно англичане («*Но спор в Кейптауне решает браунинг // И англичане начали стрелять...*»). Из других бросающихся в глаза отличий можно отметить то, что в оригинальном источнике «Жаннетта» прибывала в Кейптаун «с какао на борту», а в большинстве вариантов – «с пробоиной в борту», что поневоле вызывало некоторое недоумение: почему при таком серьезном повреждении она всего лишь «поправляла такелаж»?.. Некоторые фразы из народных вариантов вошли в поговорки (например, «У них походочка как в море лодочка...»), а может быть, наоборот, поговорки и фразеологизмы были использованы в тексте.

После того, как «В Кейптаунском порту» прозвучала в передаче «В нашу гавань заходили корабли», она по праву была включена в состав проекта «Песни нашего века» (CD, 1999) в блестящем исполнении Игоря Лунькова и Анатолия Калмыкова в сочетании с записью джаз-оркестра Я. Скоморовского (в его аранжировке), сделанной 31 января 1940 г.

Далее судьба шлягера совершила следующий поворот. Из «неформального» пространства песенка переключалась в репертуар российской телеэстрады. Ее исполнили: 1) Филипп Киркоров с хором Михаила Турецкого 2) Лариса Долина со своим ансамблем 3) Наталья Подольская и Андрей Чернышев в рамках телепроекта «Две звезды».

Этот сценический жанр имеет свои особенности. Солисты, как правило, не только поют, но и танцуют (часто с танцевальной группой). В отличие от исполнения дворовых, блатных или авторских песен, немаловажное значение здесь имеет визуальное оформление номера – дизайн костюмов, подтанцовки, стильная внешность солистов, их актерская игра. То есть, «Жаннетта» снова превратилась как бы во фрагмент мюзикла. Во всех трех исполнениях явно чувствовалась пародийная нотка.

Что-то подсказывает нам, что история двух песенных шедевров – «Bei mir...» и «В Кейптаунском порту» («Жаннетта») – еще не закончилась.